

ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И.И. КОЗЛОВА В ВОСПРИЯТИИ И ОЦЕНКАХ РУССКОЙ КРИТИКИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В. *

Аннотация. В статье осуществлен анализ особенностей восприятия русской критикой первой половины XIX в. переводческой деятельности И.И. Козлова, причем особое внимание уделено проблематике, связанной с байроновскими реминисценциями и традициями в творчестве русского поэта, его переводами из Дж.-Г. Байрона. В общем контексте анализа привлекаются суждения как известных критиков и писателей (А.А. Бестужев, Н.В. Гоголь и др.), так и анонимных рецензентов, печатавших свои материалы на страницах русской периодики первой половины XIX в.

Ключевые слова: И.И. Козлов, английский романтизм, русская литературная критика, международные литературные связи, поэтический перевод, литературная традиция, реминисценция, художественная деталь.

Еще при жизни И.И. Козлова его творчество не было обделено вниманием русской критики: выход в свет новых книг, публикация поэм неизменно вызывали многочисленные отклики в периодике, содержавшие различные, подчас полярные оценки – от восторженности до сдержанной похвалы и даже полного неприятия. Уже первые критики обратили внимание на то значительное влияние, которое оказала поэзия Дж.Г. Байрона на творчество И.И. Козлова. Восприятие слепого поэта как непосредственного последователя Байрона в России было во многом обусловлено как преобладанием в творчестве Козлова характерных байронических мотивов, так и конкретными фактами обращения русского поэта к творческому переосмысле-

нию и интерпретации отдельных сочинений английского современника. Наконец, формированию общественного мнения много способствовали суждения самого Козлова, называвшего Байрона, наряду с В.А. Жуковским и А.С. Пушкиным, тем поэтом, что способен пробудить в нем воображение, творческую фантазию: «Когда я собираюсь писать стихи, то читаю моего Байрона, Жуковского и Вас, и с грехом пополам воображение начинает работать, и я принимаюсь петь» [1].

В целом уже в эти годы русская критика воспринимала Козлова в качестве одного из лучших учеников и последователей Жуковского, причем двух поэтов сближал особый склад художественного сознания, проявляющийся в склонности к переосмыслению произведений западноевропейской литературы, созвучных их умонастроениям и душевному состоянию, способности к диалогической открытости, восприимчивости по отношению к новым тенденциям литературного развития, обусловленным романтическим движением. Стремясь сохранить общий настрой избранных для перевода произведений, И.И. Козлов нередко вносил в них казалось бы незначительные лексико-семантические и стилистические изменения, на деле имевшие своей целью соотношение художественного оригинала с личностью и судьбой переводчика, выпавшими на его долю суровыми испытаниями. В зависимости от того, совпадали ли эстетические и этические представления русского переводчика с жизненной позицией авторов переводимых им английских поэтических текстов, происходил больший или меньший отход от замысла оригинала. Козлова, как глубоко верующего человека, занимали, наряду с традиционными темами любви, дружбы, гражданственности поэта, еще и обращенные к Богу мысли об исцелении, преодолении тяжелого недуга.

Влияние Жуковского на Козлова, традиционно признаваемое в качестве естественного и закономерного для русского романтизма, в целом характеризующегося определенным сходством в выборе тем, вряд ли может до конца объяснить устойчивость байронических мотивов и образов в творчестве слепого поэта. Бесспорно, Жуковский открыл мас-

* Жаткин Д.Н., Бобылева С.В.

** Статья подготовлена по проекту НК-73П «Проведение поисковых научно-исследовательских работ по направлению «Филологические науки и искусствознание» в рамках мероприятия 1.2.1. Программы», выполняемому в рамках мероприятия 1.2.1 «Проведение научных исследований научными группами под руководством докторов наук» направления 1 «Стимулирование закрепления молодежи в сфере науки, образования и высоких технологий» федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы.

совому отечественному читателю в 1822 г. почти неизвестного прежде Байрона, переведя «Шильонского узника» («The Prisoner of Chillon»). Несмотря на сходство восприятия творчества Байрона Жуковским и Козловым, обусловленное близостью творческих взглядов и представлений, всё же нельзя не признать, что интерес Козлова к Байрону был более глубоким и длительным. Если Жуковский в середине 1820-х гг. фактически утратил интерес к Байрону, то Козлов продолжал обращаться к переосмыслению произведений великого английского современника до конца жизни, за что снискал репутацию одного из ведущих русских байронистов. В свете сказанного представляется необъективным рассмотрение байронических мотивов творчества Козлова через призму преобладающего воздействия сочинений Жуковского, которое предложено в исследованиях Ц.С. Вольпе и Л.Я. Гинзбург [2; 3].

Считая процесс влияния Байрона на Козлова крайне противоречивым и сложным, мы вместе с тем можем уверенно говорить о Козлове как истинном поклоннике выдающегося английского современника. Байрон прочно сросся с внутренним миром слепого поэта, называвшего его «поэтом своего сердца» [4]. Козлов познакомился с Байроном задолго до появления в печати перевода Жуковского, о чем, в частности, свидетельствует дневниковая запись от 31 января 1819 г.: «Много читал Байрона. Ничто не может сравниться с ним. Шедевр поэзии, мрачное величие, трагизм, энергия, сила бесподобная, энтузиазм, доходящий до бреда, грация, пылкость, чувствительность, увлекательная поэзия, – я в восхищении от него» [5]. Далее, называя Байрона «восхитительным гением», творчество которого подобно волшебству, Козлов вместе с тем высказывал и серьезное замечание относительно мизантропии английского современника, почти лишённого религиозных идей, которые так «необходимы для счастья» [6].

Благодаря энциклопедической эрудиции Козлова, обращавшегося к переводам с разных языков произведений почти тридцати поэтов, его имя стало быстро известно зарубежному читателю. Среди тех, кто знал о Козлове, был итальянский романтик А. Мандзони, а также многие немецкие писатели. Согласно указанию М.П. Алексева, в лейпцигском журнале «Conversations Lexicon» в 1827 г. была опубликована статья о Козлове, принадлежащая А.И. Тургеневу [см.: 7]. Лондонский журнал «The Literary Chronicle»

в 1826 г. напечатал большую статью о современной русской литературе, причем творческая индивидуальность Козлова характеризовалась в ней достаточно подробно в свете недавней публикации поэмы «Чернец» [см.: 8]. Биографии и творчеству Козлова была посвящена одна из статей цикла «Anecdotes of Russia» в «The New Monthly Magazine and Literary Journal» за 1830 г., принадлежащая Ф. Чемьеру [9].

Близкое знакомство и переписка Козлова с жившим подолгу в Англии А.И. Тургеневым немало способствовали упрочению международной известности И.И. Козлова. Во время пребывания в Бовуде, поместье маркиза Генри Лансдауна, расположенном недалеко от г. Бата на юго-западе Англии, А.И. Тургенев общался с Томасом Муром, рассказывал ему о Козлове как переводчике произведений английской поэзии, преподнес Мурому издание «Стихотворений» Козлова, вышедшее в Санкт-Петербурге в 1828 г. и пересланное в Лондон В.А. Жуковским вместе с письмом А.И. Тургеневу, датированным 28 декабря 1828 г. [10]. Запомнив имя русского поэта, Мур, как указывает М.П. Алексеев, упомянул в предисловии в IV тому десятилетия своих сочинений, выходявшего в 1840–1842 гг., переводы некоторых «Ирландских мелодий» на русский язык, выполненные известным поэтом Козловым – «by the popular Russian poet Kozlof» [11].

А.И. Тургенев, высоко ценивший Козлова и как оригинального поэта, и как талантливого переводчика, в своей записке Томасу Мурому от 21 февраля 1829 г. перечислил (хотя и не полностью) те переводы из Байрона, которые вошли в сборник «Стихотворений» Козлова, изданный в 1828 г.: «à la mer; la nuit dans le chateau de Lare, [sur la mort de Djon Moore], une nuit à Venise, sur le tombeau de Cécile, à l'Italie, la chanson portugaise, la bonne nuit, un fragment de Manfred: The Enchantment, Deux épitres à Thyrsa, The Hebrew Melody, et plusieurs autres pieces» – «К морю, Ночь в замке Лары, [На смерть Джона Мура], Венецианская ночь, При гробе Цецилии, К Италии, Португальская песня, Добрая ночь, отрывок из Манфреда: Обворожение, два послания к Тирзе, Еврейская мелодия и многие другие пьесы» [12; цит. по: 13]. В числе прочих произведений Козлова А.И. Тургенев упомянул его ранний перевод «Абидосской невесты» Байрона и небольшую оригинальную поэму «Чернец», отчасти сходную с «Гяуром». А.И. Тургенев предполагал, что Томас Мур использует представленные ему сведения при

работе над биографической книгой о Байроне [14; 15]. Вместе с тем следует признать, что А.И. Тургенев в записке, адресованной Муру, не только упустил из виду некоторые произведения Козлова, являющиеся переводами из Байрона, но и отнес к переводным оригинальные стихи русского поэта «Венецианская ночь», «К Италии». Проблемным для А.И. Тургенева было и определение авторства знаменитых стансов «На погребение английского генерала сира Джона Мура», созданных Ч. Вольфом, однако приписывавшихся в разные годы Байрону, Муру, Б. Корнуоллу, Дж. Вильсону, другим английским поэтам [см.: 16; 17; 18]; А.И. Тургенев сначала отнес стансы к числу байроновских сочинений, однако в дальнейшем передумал и вычеркнул в записке упоминание о них.

Проблема «Байрон и Козлов» оставалась в центре внимания русской критики 1820-х гг., словно не замечавшей наличия у Козлова переводов произведений других западноевропейских, в том числе английских, поэтов. В частности, Н.А. Полевой осуществил в № 23 «Московского телеграфа» за 1826 г. подробное сопоставление переводной поэмы Козлова «Невеста Абидосская» с английским оригиналом Байрона, что было необычно для той эпохи. Признавая, что «переводить Байрона в полной силе, блеске и величии можно, только трудно», критик приходил к строгому выводу относительно перевода Козлова: «У переводчика размножились подробности, и живопись сделалась мелка» [19]. Большой успех имел не сохранившийся до наших дней перевод Козловым «Абидосской невесты» на французский язык, упомянутый в дневниковой записи поэта от 24 сентября 1819 г.: «Милый Жуковский привез мне от имени царствующей государыни перстень за мою «Абидосскую невесту». Это – топаз, окруженный бриллиантами» [20]. О переводе И.И. Козловым «Абидосской невесты» также писал «Литературный музеум» на 1827 год [21].

Не менее внимательно рассмотрено Н.А. Полевым на страницах «Московского телеграфа» (1827, №11) и переводное стихотворение Козлова «Ночь в замке Лары», сопоставленное с оригиналом Байрона – фрагментом поэмы «Лара». В данном случае отзыв был более благоприятным для переводчика: «Козлов в «Ларе» является нам Поэтом, более постигнувшим свой подлинник и более сильным обладателем собственного языка, нежели прежде. Мы находим многие места переданные, выраженные совершенно» [22].

Однако и в данном случае Н.А. Полевым высказывались пожелания относительно усовершенствования отдельных переводных стихов, ослабляющих смысловую сторону английского оригинала.

Неизвестный критик «Московского вестника» (1827, № 22) одним из первых писал о поэме Козлова «Чернец» как о «воспоминании Джаяура Байрона, слабом, но приятном отголоске всеобъемлющих звуков британского поэта» [23], после чего проводил мысль о поверхностности понимания Козловым человеческой психологии. Исследователи последующего времени, подтверждая наличие в «Чернеце» сюжетной схемы поэмы Байрона «Гяур», построенной в форме предсмертной исповеди героя, находили в концовке русской поэмы традиции «Мармиона» В. Скотта. Концовка поэмы «Чернец» особенно восхищала Е.А. Баратынского, писавшего И.И. Козлову: «...в чём бы сам Байрон захотел вам подражать – это окончание вашей поэмы. Здесь всё как-то особенно поражает воображение, всё полно особенного, родного романтизма» [24]. Вместе с тем известно, что Е.А. Баратынский в целом невысоко ставил поэмы И.И. Козлова, но высказывался об этом приватно [25].

Следует признать, что большинство изданий середины 1820-х гг. давали блестящие оценки «Чернецу» И.И. Козлова, появление которого открыло пути для изображения неистовой, всепоглощающей человеческой страсти, внесло в русскую романтическую поэму характерный мотив искупления, обусловленный религиозными представлениями слепого поэта. В этой связи можно упомянуть перепечатанный «Новостями литературы» (1825. – № 8) отзыв А.Д. Улыбышева в «Journal de St.-Petersbourg» (1825. – 21 mai), подробные рецензии Ф.В. Булгарина в «Северной пчеле» от 18, 21, 23, 25 апреля 1825 г. и в «Московском телеграфе» (1825, №2). Не менее восторженные отзывы сохранила и частная переписка тех лет. Так, П.А. Вяземский сообщал А.И. Тургеневу: «Я восхищаюсь «Чернецом», в нем красоты глубокие, и скажу тебе на ухо – более чувства, более размышления, чем в поэмах Пушкина» [26]. В ответном послании П.А. Вяземскому А.И. Тургенев утверждал, что «у Козлова гораздо больше истинной чувственности в душе, чем в Пушкине» [27]. Бесспорно, подобные суждения являлись преувеличением, однако они вполне характеризуют те настроения, которые преобладали в светской среде после публикации первой поэмы Козлова.

А.С. Пушкин, не менее восторженно

принявший «Чернеца», откликнулся на выход этой поэмы стихотворением «Козлову» (1825), содержащим возвышенную характеристику гения поэта: «Певец, когда перед тобой // Во мгле сокрылся мир земной, // Мгновенно твой проснулся гений, // На всё минувшее воззрел // И в хоре дивных привидений // Он песни дивные запел. // О милый брат, какие звуки! // В слезах восторга внемлю им, // Небесным пением своим он усыпил земные муки; // Тебе он создал новый мир...» [28]. О «вдохновенном слепце» А.С. Пушкин высоко отзывался также в письме П.А. Плетневу, датированном не позднее 19 июля 1825 г.: «Скажи от меня Козлову, что недавно посетила наш край одна прелесть <А.П. Керн>, которая небесно поет его «Венецианскую ночь» на голос гондольерского речитатива, я обещал об этом известить моего вдохновенного слепца. Жаль, что он не увидит ее, но пусть вообразит себе красоту и задушевность – по крайней мере, дай Бог ее ему слышать» [29].

Изданные впоследствии поэмы И.И. Козлова «Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая» (СПб., 1828) и «Безумная» (СПб., 1830) были встречены критикой сдержанно, более того, осуждались за «неистовую поэтику», стремление искусственно сочетать байроническую характерологию с русскими национальными началами. «Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая» получила пространственный критический отклик в «Московском телеграфе» (1828, № 4), принадлежащий перу его издателя Н.А. Полевого. Поэма «Безумная» критиковалась М.А. Бестужевым-Рюминым в «Северном Меркурии» от 5, 10, 14 и 17 ноября, анонимными авторами «Северной пчелы» (1830, 1 ноября) и «Телескопа» (1831, № 1). Противоречивые суждения о последней поэме Козлова были высказаны А.А. Дельвигом в № 68 «Литературной газеты», увидевшем свет 2 декабря 1830 г.: «В поэме «Безумная» каждый стих звучит не фистулою, но чистыми, полными тонами, прямо возникающими из прекрасного сердца. Это пение соловья, успокоивающее душу, но не удовлетворяющее фантазии. Разделяешь печаль с милым певцом и невольно сердисься на него, что он заставил нас плакать от несчастий вымышленных и рассказанных оперною актрисой, а не настоящею послышкой» [30].

Избирая для перевода лирические произведения Байрона, далекие от политической жизни своего времени, Козлов создавал перед русским читателем несколько отличный от реального портрет великого английского поэта, представляя его мечтателем и элегиком,

увлеченным любовными переживаниями. При этом отходил на второй план характерный байроновский образ социального изгнанника, гордого одиночки, мечтающего о свободе и справедливости. В свете сказанного закономерно критическими были суждения о переводах Козлова, звучавшие из уст писателей, близких декабристскому движению. В частности, А.А. Бестужев призывал русского читателя по возможности отказаться от мысли о формировании представления о Байроне через призму переводов Козлова: «У него <И.И. Козлова> есть искры чувства, но либретта поэзии на нем еще не обносилась, и не дай Бог судить о Байроне по его переводам: это лорд в Жуковского пудре» [31].

В написанной между 1831 и 1833 г. ранней статье Н.В. Гоголя «О поэзии Козлова» подробно охарактеризованы особенности влияния Байрона на творческое становление и развитие слепого русского поэта. Гоголь особо говорил о том, каким образом английский поэт стал «властителем дум» Козлова, других представителей русского романтизма: «Как будто в испуге, как будто подавляемая горестью, с порывом, с немолчной жаждой – торжествовать, возвыситься над собственным несчастьем, она <душа> искала другой встречи и в изумлении остановилась перед Байроном, так чудно обхватившим гигантскою мрачною душою всю жизнь мира и так дерзостно посмеявшимся над нею, может быть, от бессилия передать ее индивидуальную светлость и величие» [32]. По наблюдению Н.В. Гоголя, христианская вера русского поэта в существенной мере трансформировала восприятие «гордо-одиноким души» великого английского современника, облекла ее в идеализированный ореол, придала байроническим мотивам «чистое сияние» и в конечном итоге обусловила ту художественную индивидуальность переводчика, «без которой он был бы только бессильным подражателем» [33].

В статье, посвященной памяти И.И. Козлова и увидевшей свет вскоре после его кончины в качестве комментария к первому посмертному изданию полного собрания стихотворений, В.А. Жуковский признавал, что стихи Козлова стали исповедью измученной страданиями, но не сломленной души: «...никто не мог читать их без нежного участия к поэту, который, открывая тайну своих страданий, в то же время и умилял нас, деля с нами те высокие утешения, кои почерпал в глубине поэтической души своей» [34]. Признавая, что именно несчастье сделало Козло-

ва поэтом, Жуковский вместе с тем называл и предпосылки к творчеству – «память необыкновенную (великое счастье для слепого)», верность воспоминаниям о прошлом, «свежесть и теплоту любящего сердца», совершенное знание французского и итальянского языков. Уже будучи слепым, русский поэт в 1819 г. благодаря необыкновенной памяти в течение трех месяцев овладел английским языком. Очевидно, Козлов достиг достойного уровня знания английского языка не сразу, о чем, в частности, свидетельствуют дневниковая запись самого поэта, радовавшегося, что «может понимать» язык Байрона, читать в подлиннике его произведения [35], и относящееся к 1819 г. сообщение А.И. Тургенева в письме В.А. Жуковскому о Козлове, выучившемся «в три месяца (*sapienter sat*) по-англински» [36]. В результате, как указывал в своей статье В.А. Жуковский, Козлов «знал наизусть всего Байрона, все поэмы Вальтера Скотта, лучшие места из Шекспира, так же как прежде всего Расина, Тасса и главные места из Данта» [37].

Среди многочисленных печатных откликов на кончину И.И. Козлова и выход первого посмертного издания его произведений особо выделяется большая статья В.Г. Белинского «О творчестве И.И. Козлова», опубликованная в 1841 г. в «Отечественных записках». В.Г. Белинский и прежде упоминал о Козлове во многих своих сочинениях, однако только в этой статье специально обратился к анализу творческой индивидуальности слепого поэта. Вслед за В.А. Жуковским В.Г. Белинский обуславливал обращение Козлова к литературному творчеству известными трагическими обстоятельствами: «Без потери зрения Козлов прожил бы весь век, не подозревая в себе поэта. Ужасное несчастье заставило его познакомиться с самим собою, заглянуть в таинственное святилище души своей и открыть там самородный ключ поэтического вдохновения» [38]. Констатируя уже отмечавшуюся ранее творческую близость Козлова Байрону и Жуковскому, Белинский вместе с тем видит в нем и неординарного, самобытного поэта, имеющего свой творческий почерк: «Таинство страдания, покорность воле провидения, надежда на лучшую жизнь за гробом, вера в любовь, тихое уныние, кроткая грусть – вот обычное содержание и колорит его вдохновений. Присовокупите к этому прекрасный мелодический стих – и муза Козлова охарактеризована вполне, так что больше о нем нечего сказать» [39].

Как видим, уже в прижизненной кри-

тике И.И. Козлов получил высокую оценку и как поэт, представитель романтического направления, друг и единомышленник В.А. Жуковского, и как переводчик, многое сделавший для проникновения байронизма в Россию, популяризации среди российских читателей произведений Дж.-Г. Байрона и других английских романтиков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Козлов И.И. Письмо к А.С. Пушкину // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 17 т. – М., 1996. – Т. 13. – С. 176.
2. Вольпе Ц.С. И.Козлов // Козлов И.И., Подолинский А.И. Стихотворения. – Л., 1936. – С. 11.
3. Гинзбург Л.Я. О лирике. – Л., 1974. – С. 107.
4. Козлов И.И. Дневник / Публ. К.Я.Грота // Старина и новизна. – СПб., 1906. – Кн.11. – С. 42.
5. Там же. – С. 40.
6. Там же.
7. Алексеев М.П. Русско-английские литературные связи (XVIII век – первая половина XIX века). – М., 1982. – С. 750.
8. Там же.
9. Danilowicz M.L. Chamier's Anecdotes of Russia // The Slavonic and East European Review. – 1949. – V. VIII. – № 4. – P. 306-307.
10. Письма В.А. Жуковского к А.И. Тургеневу. – М., 1895. – С. 248.
11. Алексеев М.П. Томас Мур, его русские собеседники и корреспонденты // Международные связи русской литературы. – М.-Л., 1963. – С. 255.
12. Институт русской литературы (Пушкинский дом) Российской академии наук. – Рукописный отдел. – Ф. 309. – № 36.
13. Алексеев М.П. Томас Мур, его русские собеседники и корреспонденты // Международные связи русской литературы. – М.-Л., 1963. – С. 256, 258.
14. Жаткин Д.Н., Бобылёва С.В. Дж.Г. Байрон и И.И. Козлов: из истории международных связей русской литературы // Русь, Россия, Советский Союз: опыт и уроки развития международных связей / Под ред. член-корреспондента РАЕН С.Н. Полторака. – СПб., 2007. – С. 37-40.
15. Жаткин Д.Н., Бобылёва С.В. Традиции творчества Дж.Г. Байрона в поэмах И.И. Козлова // Альманах современной науки и образования. Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии: Межвузовский сборник научных трудов: В 3 ч. – Тамбов, 2007. – Ч. 1. – С. 110-111.
16. Small H.-A. The field of his fame. A ramble of the curious history of Charles Wolfe's poem: «The Burial of Sir John Moore». – Los Angeles, 1953.
17. Mersereau J.jr. Bairon Delvig's «Northern Flowers». 1825-1832. Literary Almanac of the Pushkin pleiad. – London-Amsterdam, 1967. – P. 82.
18. Царькова Т.С. «На погребение английского генерала сира Джона Мура» И.Козлова // Анализ одного стихотворения. – Л., 1985. – С. 105-113.
19. Полевой Н.А. «Невеста Абидосская», турецкая повесть лорда Байрона, перевел с английского Иван Козлов // Московский телеграф. – 1826. – Ч. 12. – №23. – С. 196, 194.
20. Козлов И.И. Дневник / Публ. К.Я. Грота // Ста-

- рина и новизна. – СПб., 1906. – Кн. 11. – С. 44.
21. <О переводе И.И. Козловым «Абидосской невесты» Дж.Г. Байрона> // Литературный музей на 1827 год. – СПб., 1827. – С. 30-31.
 22. Полевой Н.А. «Ночь в замке Лары (Лорда Байрона)», взято из XV книжки журнала «Славянин», перевод Козлова // Московский телеграф. – 1827. – Ч. 15. – № 11. – С. 262.
 23. S. <Рецензия на поэму И.И. Козлова «Чернец»> // Московский вестник. – 1827. – № 22. – С. 214.
 24. Из бумаг поэта И.И. Козлова / Публ. А.С. Хомутова // Русский архив. – 1886. – Кн. 1. – С. 188.
 25. Николай Полевой. Материалы по истории русской литературы и журналистики 30-х годов / Ред., вступ. ст. и комм. Вл. Орлова. – М.-Л., 1934. – С. 214.
 26. Остафьевский архив кн. Вяземских: В 5 т. / Под ред. и с примечаниями В.И. Саитова. – СПб., 1901. – Т. 3. – С. 114.
 27. Там же. – С. 117.
 28. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 17 т. – М., 1994. – Т. 2/1. – С. 347.
 29. Там же. – М., 1998. – Т. 13. – С. 189.
 30. Дельвиг А.А. Сочинения. – Л., 1986. – С. 267.
 31. Бестужев-Марлинский А.А. Сочинения: В 2 т. – М., 1981. – Т. 2. – С. 483.
 32. Гоголь Н.В. О поэзии Козлова // Гоголь Н.В. Собрание сочинений: В 8 т. – М., 1984. – Т. 7. – С. 14-15.
 33. Там же. – С. 14, 15.
 34. Жуковский В.А. О стихотворениях И.И. Козлова // В.А. Жуковский – критик. – М., 1985. – С. 170.
 35. Козлов И.И. Дневник / Публ. К.Я. Грота // Старина и новизна. – СПб., 1906. – Кн. 11. – С. 40.
 36. Остафьевский архив кн. Вяземских: В 5 т. / Под ред. и с примечаниями В.И. Саитова. – СПб., 1899. – Т. 1. – С. 336.
 37. Жуковский В.А. О стихотворениях И.И. Козлова // В.А. Жуковский – критик. – М., 1985. – С. 169.
 38. Белинский В.Г. О творчестве И.И. Козлова // Отечественные записки. – 1841. – Т. XV. – Ч. VI. – С. 4.
 39. Там же.

D. Zhatkin, S. Bobyleva

TRANSLATOR I. KOZLOV'S ACTIVITY IN PERCEPTION AND EVALUATION OF RUSSIAN CRITICS OF THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY

Abstract. The article presents the analysis of the peculiarities of perception by the Russian critics of the first half of the XIXth century of the translator I. Kozlov's activity, emphasizes the problems connected with Byron's reminiscences and traditions in the creative work of the Russian poet, his translations from George Gordon Byron. Opinions of famous critics and writers (A. Bestuzhev, N. Gogol and others) as well as anonymous reviewers who printed their materials on the pages of the Russian periodicals of the first half of the XIXth century are given in the general context of the analysis.

Key words: I. Kozlov, English Romanticism, Russian literary critics, international literary relations, poetic translation, literary tradition, reminiscence, literary detail.

УДК 821.161.1.09-2+929 Тургенев

Зорин А.Н.

РЕМАРКА В ДРАМАТУРГИИ И.С. ТУРГЕНЕВА. ОСОБЕННОСТИ ХАРАКТЕРОСЛОЖЕНИЯ И ПРОЗАИЗАЦИИ*

Аннотация: Семантическая наполненность значительной части ремарок в пьесах Тургенева соотносима с тонким психологизмом его прозы. Контаминация зафиксированных ремаркой разных форм авторского повествования в тургеневских художественных текстах рождает равноправие разных позиций и точек зрения – автора, героев, повествователя. Афишные ремарки, с одной стороны, отображают уникальную жанровую установку тургеневских драм, с другой, отражают безусловный процесс взаимовлияния ремарки в пьесах и прозаических текстах. Так, в «Записках охотника» использование формы

драматургической ремарки приводит к уравновешиванию репрезентационных позиций повествователя и героев, а также к актуализации культуры восприятия театрального монолога и диалога в прозаическом контексте.

Ключевые слова: драматургия, Тургенев, ремарка, проза, «Записки охотника», характер, портрет.

В литературоведческой науке тема соотношения драматического и прозаического в тексте – одна из мало исследованных тем. Хотя еще М.М. Бахтин обращал внимание на то, что «драматический диалог в драме и драматический диалог в повествовательных

* © Зорин А.Н.